

Егор Гайдар: «От себя: Понимаю, что выжил чудом».

24 ноября 2006 г. оказался вовлечен в череду событий, больше всего напоминавших политический детектив. О произошедшем немало написано. События подробно освещали мировые телеканалы. Не думал, что мировая слава настигнет меня столь необычным способом. Сознательно отказывался давать интервью. И тем не менее не могу не рассказать о произошедшем.

Общественное мнение с долей юмора относится к тем, кого собирались убить, но не убили. Природа этого феномена мне не ясна. Сам, побывав в таком положении, ничего смешного в нем не увидел. Но логика общественного сознания – данность. С ней приходится считаться. Попытаюсь по мере сил сохранить чувство юмора, рассказывая о произошедшем.

21 ноября почувствовал себя смертельно усталым. За предшествующие три недели на обычные дела наложились несколько тяжелых командировок. Подумал, что поездку в Ирландию было бы разумно отменить, отлежаться, отдохнуть. Однако Ирландия – чудесная страна, люблю ее. Командировка легкая: университетская научная конференция, одна из тем которой – представление моей книги “Тибель империи. Уроки для современной России”. Решил, что отказываться от командировки не стану.

На следующее утро после прилета, прогуливаясь перед завтраком вместе с одним из организаторов конференции – директором Библиотеки иностранной литературы Екатериной Гениевой, решил, что был прав. Провести два дня с умными и приятными людьми в милом старом ирландском университете – это и отдых, и удовольствие.

Перед открытием конференции позавтракал в университетской столовой. Взял фруктовый салат, попросил принести стакан чая. Затем пошел в зал заседаний. Минут через десять после начала сессии понял, что слушать ничего не в силах. Думаю лишь об одном: как добраться до своего номера и лечь. Извинился перед Екатериной Гениевой и ее коллегами, выступающими на следующей сессии, сослался на неважное

самочувствие, сказал, что должен подняться к себе. Екатерина посмотрела на меня с недоумением – 40 минут назад мы весело разговаривали, гуляя вдоль университетских газонов. Наверное, решила, что тема мне неинтересна.

Поднявшись в номер, понял, что должен немедленно закрыть глаза. Ощущение похожее на общий наркоз. Что-то видишь и понимаешь, но открыть глаза непросто. Протянуть руку к звонящему рядом телефону – подвиг. Из мыслей одна: вот и долетался. Думаю, что сумеречное состояние обусловлено переутомлением. Надо отчитать две лекции и немедленно назад, в Москву.

В 14.30 сессия, на которой намечено мое выступление. Речь идет о российской миграционной политике. Заставляю себя встать, спуститься вниз и выступить. Затем вновь наваливается усталость, глаза закрываются. Надо идти в номер, как можно скорее лечь.

В 17.10 раздается звонок, который, по-видимому, и спас мне жизнь. Представитель организаторов напомнил, что через пять минут намечено представление книги. Если бы тогда сказал: “Нет, не смогу”, а все подталкивало именно к этому, и то, что случилось через 15 минут, произошло бы в номере, где я был один, никто не мог прийти мне на помощь, шансы выжить были бы равны нулю. Но я прилетел сюда, чтобы представить книгу и из-за какого-то недомогания не сделать этого просто невозможно. Встал, спустился вниз, начал выступать. На десятой минуте понял, что ни при каких усилиях воли говорить больше не могу. Извинился, пошел к выходу. Переступив порог зала заседаний, упал в университетском коридоре.

Происходящее на протяжении следующих часов почти не помню. Знаю скорее по рассказам тех, кто меня окружил. Когда последовавшие за мной оказались на месте произошедшего, они увидели лежащего на полу человека. Из носа лилась кровь, изо рта – кровь вместе с рвотными массами. Мне подняли голову, начали систематически убирать кровь изо рта и носа. Окружающие описывали происходящее так: смертельная бледность, обострившиеся черты лица, отсутствие сознания. Ясно, что человек умирает. Минут через 20-30 начал приходить в себя. С этого времени хоть что-то помню. Пытаюсь поднять голову, а она не слушается.

Начинаю слышать голоса, иногда могу открыть глаза, вижу стоящих вокруг меня людей. Кровь по-прежнему хлещет из носа. Вижу молодого человека, который подходит ко мне со стетоскопом, слушает сердце. Приезжает “скорая”. Меня грузят в нее. О том, чтобы попытаться встать на ноги, не может быть и речи. Толком не могу пошевелить и пальцем. Единственное, что удастся, это открывать и закрывать глаза. Но что-то в происходящем начинаю понимать. Со мной едут Екатерина Гениева и Андрей Сорокин. Нас везут в госпиталь, везут медленно, потому что пробки. Екатерина потом рассказала мне, что я с интересом смотрел на постоянно фиксируемую кардиограмму. Уже потом, когда сознание восстановилось, понял: кардиограмма – это график. Графики – то, с чем постоянно работаю. Видимо, профессиональные интересы сохраняются и при глубоком поражении нервной системы.

Постепенно сознание, способность не просто смотреть и слушать, а анализировать происходящее возвращаются. Моя собственная гипотеза проста. Переутомление, наложенное на болячки, которые нередко встречаются у 50-летних мужчин: повышенный сахар, давление. Постепенно начинаю понимать, что врачи, получив результаты анализов, в недоумении: кардиограмма отменная, сердце работает как часы, давление повышенное, но лишь чуть выше нормы, то же относится к сахару. А между тем пациент очевидно в крайне тяжелом состоянии. Приходится думать о нарушении мозгового кровообращения. Ведь по-прежнему не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Но на протяжении следующих часов способность управлять своим телом восстанавливается быстро. К семи утра следующего дня уже могу не только встать с постели, но принять душ, побриться. Не медик, но знаю, что при инсультах так не бывает. Значит, что-то другое.

В восемь утра, буквально через несколько часов как перестал чувствовать себя неодушевленным предметом, могу двигаться, думать, принимать решения, реализовывать их не хуже чем сутки тому назад. Вопреки протестам ирландских врачей говорю, что хочу срочно выписаться из госпиталя. Они отвечают, что, если я настаиваю на этом, они не вправе мне отказать. Перед тем как расстаться, объясняют, что мой случай поверг их в недоумение. Сопоставление результатов анализов и моего состояния вечером – ночью 24 ноября никак не сходится. Они не могут понять причины. Говорят, что необходимо детальное обследование, глубокий анализ. Благодарю за помощь, объясняю, что провести такой анализ в России, где врачи

наблюдают меня многие годы, знают мою историю болезни, прощай. Договариваюсь о том, что меня перевезут в российское посольство. Оттуда самолетом в Москву.

Сознание к этому времени уже работает не хуже чем раньше. Я не медик и понимаю те ограничения, которые накладывает непрофессионализм. И тем не менее, когда речь идет о твоей жизни, не пытаюсь понять причину произошедшего трудно. Дано – с сердцем, головным мозгом, давлением, сахаром либо все в порядке, либо без существенных отклонений. На этом фоне несколько часов бессознательного или полубессознательного состояния, невозможность управлять своим телом, сильное кровотечение изо рта и горла. Одно из возможных объяснений, которое неизбежно приходит в голову непрофессионалу, – отравление. Хорошо помню собственное состояние до завтрака. Оно было отменным. Через полчаса – отвратительным. У любого нормального человека в этой ситуации возникает вопрос о причинно-следственных связях. Однако это взгляд непрофессионала. Допускаю, что есть известные медикам патологии, которые могут вызвать такое развитие событий.

Прямо из Шереметьева еду в клинику, где меня знают долгие годы. Несмотря на то, что прилетел в воскресенье поздно вечером, главный врач (не называю его имени-отчества – договорились сохранить информацию о клинике, где я наблюдаюсь, закрытой) собрал специалистов. Рассказываю о произошедшем, прошу рассмотреть все версии, позволяющие объяснить случившееся. К утру понедельника результаты исследований у него на столе. За месяц до инцидента в Ирландии прошел подробное медицинское обследование. Теперь можно сопоставить то, что было, и то, что есть. Врач не видит возможности объяснить столь масштабные и системные изменения в организме в первую очередь во всем, что связано с интоксикацией, в рамках возможного спектра изученных медициной заболеваний или сколь угодно экзотического их сочетания. По профессионально-этическим причинам он не может употребить слово “отравление”. Для этого надо определить отравляющее вещество, а сделать это через 60 часов после произошедшего, особенно если речь идет о секретных токсических веществах, сведения о которых недоступны открытой медицине, невозможно. Но мы хорошо понимаем друг друга. Можно грешить хоть на зеленых человечков. Если оставаться в рамках здравого смысла, речь идет именно об отравлении.

Когда днем 25 ноября впервые промелькнула мысль о том, что произошедшее может быть результатом чьих-то целенаправленных действий, задумался о том, кто за этим может стоять. Кому выгодно? Собственности, о которой имеет смысл говорить, у меня нет. Прибыльной металлургической или нефтяной компании – тоже, отбирать нечего. Значит, если это покушение, за ним стоит политика. В российской политике далеко не первый год, немало о ней знаю. Неплохо знаком с ее основными участниками. К этому времени понимаю, что выжил чудом. Быстрота восстановления организма показывает: задачей было не искалечить, а именно убить. Кому в российской политике была нужна моя смерть 24 ноября 2006 года в Дублине? Подумав, почти сразу отклоняю версию о причастности к произошедшему российского руководства. После смерти Александра Литвиненко 23 ноября в Лондоне еще одна насильственная смерть известного россиянина, произошедшая на следующий день, – последнее, в чем могут быть заинтересованы российские власти. Если бы речь шла о взрыве или выстрелах в Москве, в первую очередь подумал бы о радикальных националистах. Но Дублин? Отравление? Очевидно не их стиль.

Значит, скорее всего, за произошедшим стоит кто-то из явных или скрытых противников российских властей, те, кто заинтересован в дальнейшем радикальном ухудшении отношений России с Западом. За несколько часов, сопоставляя по датам события последних полутора месяцев, формулирую для себя довольно логичную и целостную гипотезу о причинах произошедшего. Картина мира вновь обретает внутреннюю логику, перестает напоминать кафкианский кошмар. Правда, от этого она не становится веселее. Ну что ж, как говорят в России, были бы живы, будем когда-нибудь и веселы. Но это уже другая история.